

УДК 930.2:378.4

Шаповалов Владимир Александрович**ИСТОРИКО-НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В статье рассматривается современная исследовательская практика – новая локальная история, место исторической науки в обществе, роль университета в соединении гуманитарного и естественнонаучного знания.

Ключевые слова: историческое знание, новая локальная история, научно-образовательный центр «Новая локальная история», сущность университета.

Shapovalov Vladimir A.**HISTORICAL SCHOLASTIC BODY OF KNOWLEDGE AND NEW RESEARCH
PRACTICES IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE MODERN UNIVERSITY**

The article deals with «the new local history» as a contemporary research practice, as well as the importance of history as a science in society; the role of the university in joining humanities and sciences.

Key words: historical knowledge, the new local history, scholastic research centre «New Local History», the essence of the university.

Историческое знание выступает не только как средство объяснения прошлого, но и как инструмент высказывания своего отношения к будущему. Определение будущего как одна из генеральных задач современности носит принципиально проектный характер. Фундаментальная составляющая данного процесса — анализ исторического материала, его критическое и рефлексивное осмысление, аналитико-конструктивное целеполагание. Эти функции могло бы выполнять научно-образовательное сообщество, формирующееся вокруг классического университета, объединяющего различные области знания и различные способы мышления.

Особую роль историческое знание играет в условиях, когда массовая культура формирует новый тип отношения индивида к миру, обществу и себе самому. Этот тип отношения давно уже назван потребительским. Не будет особым преувеличением сказать, что потребительское отношение к миру основывается на ценностях, утверждение которых в обществе особенно опасно для всей современной цивилизации. Об этом говорят все, но действенной стратегии противостояния еще не выработано. Думается, что главным средством для разработки такой стратегии должно стать историческое знание и его философско-критическое осмысление. Именно в истории можно найти рецепты против морального и ценностного нигилизма, столь стремительно становящегося девизом молодых людей в условиях радикальных социальных изменений. Во многом этим объясняется всё возрастающий интерес к проблемам содержания историко-научного знания, к качеству изучения истории в школе и вузах со стороны не только руководства Минобрнауки России, но и лично Президента России В. В. Путина.

В современном мире происходят изменения, напрямую затрагивающие интересы науки, образования и культуры в целом. Эти изменения привели к появлению нового термина – современное общество названо обществом знания. Можно рассматривать данный термин как один из целого ряда социологических конструктов, наиболее известными среди которых являются термины «постиндустриальное общество», «общество риска», «общество потребления» и, наконец, почти синонимическое «информационное общество». Однако термин «общество знания» несет в себе особую смысловую нагрузку, что позволяет предположить новое понимание социальных и культурных функций институтов науки и образования. Стремительная популяризация концепции общества знания сопровождается беспрецедентным ростом бюджетов научных исследований и ростом авторите-

та научных учреждений. Наука превратилась в массовую профессию, стали даже говорить о рождении новой индустрии — индустрии знаний. Благодаря этому знание стало центральной категорией современной политической экономики, заняв то место, которое прежде отводилось труду.

Казалось бы, что может быть отрицательного в том, что статус знания в обществе становится предельно высоким, а престиж науки и образования растет. Однако не все так просто. Изменение в системе ценностей не может не коснуться содержания этих ценностей, а также значения и смысла привычных понятий, которые в новом семантическом пространстве могут выполнять совершенно иные социокультурные функции. Гуманитарное, естественнонаучное, техническое и педагогическое направления образования могут и должны быть предметом специализации в различных учебных заведениях, точно так же как и специализированные исследовательские институты могут концентрировать усилия для решения частных, но чрезвычайно важных научных задач. Однако все эти структуры, даже взятые вместе не могут и не должны претендовать в развитии знания на ту роль, которую традиционно играет в этом процессе классический университет. Именно он, в силу своей природы, определяет наличие единого предметного пространства знания, гарантирующего необходимое мировоззренческое и методологическое единство познания.

Искомое единство связано с необходимостью обретения нового качества – качества деятельности подхода. Но что является фундаментальным условием для обретения нового качества? Ф. Шлейермахер утверждал, что именно научная жизнь, неразрывно связанная с университетом, рождает особый дух нового человека. «Должен ли этот дух, – писал он, – сходить на человека внезапно, как сон? Должна ли научная жизнь возникать из ничего, отличаясь в этом от всего остального, возникающего через его порождение другим? Почему лишь она одна в своих первых нежных выражениях не должна нуждаться в какой-либо заботе или каком-либо воспитании? Здесь-то и кроется сущность университета» [7, с. 222].

Сущность университета, прежде всего, заключается в его способности соединить, казалось бы, несоединимое: гуманитарное и естественнонаучное. Причем как на уровне предметно организованного знания, стиля мышления и мировоззрения, так и на уровне мироощущения, ценностей и жизненного мира. Об этом нельзя забывать, ставя перед собой масштабные задачи технического переустройства и хозяйственной модернизации. Все амбициозные технологические проекты, обращенные в XXI век и даже в 3-е тысячелетие не могут быть реализованы без обращения к человеку, его внутреннему миру, его способности строить наряду со сложнейшими техническими системами новый социальный мир, в котором изменятся типы межличностных взаимодействий.

В Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ) создается образовательная среда, направленная на формирование особых социальных компетенций, необходимых для жизнедеятельности в полиэтничном и поликультурном социуме. Основной идеей выступает формирование полиэтничной и поликультурной социальности через вовлечение студентов в творческую инновационную деятельность, освоение технологий, связанных с естественнонаучным и точным знанием, что обеспечивается новым пониманием содержательной связи естественнонаучного и гуманитарного знания.

Одной из сущностных черт современного университета является поиск инновационных подходов не только к организации и содержанию образования, но и способам получения нового знания, в том числе историко-научного. Очень важно при этом вовремя поддерживать перспективные исследовательские практики и отказаться от псевдоноваций. Настоящей удачей стало то, что в 2002 году ректорат Ставропольского государственного университета (ныне СКФУ) поддержал создание на своей базе научно-образовательного центра «Новая локальная история». Руководство вуза пошло на этот шаг с большой осторожностью, – это было связано с тем, что, как тогда многим казалось, работа Центра будет пересекаться с краеведческими исследованиями, которые велись на кафедрах политической истории, а также археологии и региональной истории. Однако желание поддержать историков, которые к тому времени только защитили докторские диссертации или заканчивали работу по тематике, связанной развитием исторического знания в регионе и выступившие с инициативой создания центра «Новая локальная история» стало решающим фактором, позволившим руководству вуза пойти на этот шаг. Как оказалось, это решение было верным. Концепцию работы Центра и развития нового для российской историографии предметного поля новая локальная история поддержали ведущие ученые Российского государственного гуманитарного университета и Инсти-

тута всеобщей истории РАН. Ставропольские и московские историки быстро включились в новые исследовательские и издательские проекты, начался процесс институционализации нового предметного поля, а уже с начала 2003 г. заработал сайт «Новая локальная история», который сегодня является межвузовским электронным ресурсом [5].

Появление новых исследовательских практик и новых тем в истории – это естественный процесс. Об этом совершенно определенно говорит выдающийся отечественный ученый, академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук А. О. Чубарьян: «В истории сейчас появились совершенно новые темы, которые раньше мало поднимались... Появилась новая социальная история, которая раньше рассматривала социальные движения, поощряемые идеологами марксизма. А сейчас социальная история – это человек в социуме, окружающем мире, во всех его ипостасях. На этой основе зародилась новая дисциплина – история повседневности. К ней огромный интерес во всем мире! Сюда входят: повседневная жизнь простого человека, представления людей о жизни и смерти, болезни, голод, преступления, мужчина и женщина, старение, моды – и всё это в истории. Очень интересно! Появление совершенно новых разделов и дисциплин привлекает к истории, которая перестала быть только проявлением закономерностей, а стала делом жизни простых людей» [9, с. 19].

Вполне естественным и своевременным представляется формирование и развертывание в России на рубеже XX–XXI вв. исследований в предметном поле новой локальной истории. Она была воспринята из британской историографии с новыми компаративными и междисциплинарными подходами, методологией и исследовательским инструментарием, заимствованными из гуманитарных и социальных дисциплин.

В данной статье мы не ставим задачу системного анализа всего процесса институционализации новой локальной истории. Эта тема может быть предметом самостоятельного и достаточно объемного исследования, т. к. число «практикующих» в этом предметном поле, к счастью, расширяется. Рассмотрим лишь отдельные этапы становления новой исследовательской практики и формирования её предметного поля. Отметим, что российские историки, в том числе те, кто работает в СКФУ, не остались пассивными к вышеозначенным идеям британской историографии. Они привнесли в теоретическую базу новой локальной истории своё видение новых инструментальных возможностей и «приспособили» это направление к местным историческим занятиям, сообразно своему пониманию современных научных потребностей. Одной из первых задач, которую они реализовывали, стало определение подходов к изучению локальной истории с позиций поисков новых смыслов гуманитарного знания [4, с. 6–7; 13, с. 744], что позволило им указать на разницу краеведческого и научного подходов к изучению региона или отдельного места. «В отечественной исторической науке уже целое столетие присутствует понятие «краеведение» как название местной исторической практики и появившееся позже «историческое краеведение». Сотни историков, специалистов и любителей – краеведов работали и продолжают успешно работать в рамках этого направления. Ими по крупницам воссоздается прошлое российской провинции, сохраняются памятники старины, пишутся биографии провинциальных учителей, купцов, промышленников, меценатов и т. д. Однако историческое краеведение является только одним из направлений изучения местной истории, а современная профессиональная историография предлагает разнообразие методологических подходов к изучению региональной истории. Следовательно, новая локальная история не столько спорит с краеведением, сколько идёт своим путём исследований как локального, так и более генерализованного сообщества людей» [4, с. 22].

Историки, работающие в предметном поле новой локальной истории, значительное внимание уделяли и продолжают уделять определению модели изучения отдельных локусов в разных их проявлениях, что в свою очередь, вывело исследователей на проблему контактных зон и межкультурного обмена [2, с. 4–24]. Начиная с 2004 года ученые-историки, являющиеся не только сторонниками новой исследовательской практики, но и активными её разработчиками стали позиционировать идею, что «исторический ландшафт» не дан историку, историк должен его построить сам. На наш взгляд, эта идея находит убедительное подтверждение при внимательном изучении предметного поля новой локальной истории и, кроме того, она вносит своеобразие в постановку всегда актуального вопроса о взаимодействии истории и историка, привлекает ещё раз внимание к

тому, что, как известно, факт прошлого становится историческим фактом только тогда, когда о нём рассказал историк. Как отмечает М. Смирнов, «вне рассказа о нём факт как история или её элемент не существует. Отсюда, кстати, следует, что «история» всегда чья-то, потому что у рассказа всегда есть тот, кто его рассказал... Факт (событие прошлого), как правило, независим от историка. Но знание о нем нам дается только с субъективных позиций историка. Поэтому я бы сказал, что истории как чего-то объективного, не зависящего от историка не существует. История и историк всегда тесно связаны, они проникнуты друг другом» [8, с. 12].

Осмысление контекстов локальной истории заставило исследователей обратить пристальное внимание к научно-методологическому инструментарию истории, и как отмечает Л. П. Репина, способствовало тому, что ставропольские и московские историки в рамках предметного поля новой локальной истории, постарались понять глобальную перспективу той или иной изучаемой проблемы, выработать способность «видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро – и микроуровней, строить исследование на признании глубокой взаимной детерминации «внешнего» и «внутреннего» [6, с. 191–192]. Важно, что новая локальная история определила свой основной подход как историко-культурный. Он помогает переносить акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в пространство глобальное, в глобальную перспективу. Исследователи отходят от традиционной социальной истории с её функционалистичными и механическими формами объяснения, выбирают новые методологические процедуры, видят социокультурные пространства не в традиционных границах, а наблюдают связи поперёк административных, политических и культурных границ (например, сельское культурное пространство в городе) [1, с. 44–55].

Таким образом, предмет новой локальной истории – субъект исторического действия, не тождественный государству, и его существованию как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэксистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве. Отсюда следует, что государство, нация, локальная общность рассматриваются не как территориально-генетические «закономерности», а как изобретения и/или конструкции, в истории которых важно выявлять поддерживающие их культурные факторы, связь социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности [3, с. 43].

В истории локуса сегодня используется достаточно много понятий: «краеведение», «региональная история», «локальная история», «местная история», «новая локальная история». Историкам, в том числе и ученым-историкам СКФУ ещё предстоит более определенно обозначить предметное поле этих разнообразных исследований, расширить и сделать предельно четким понятийный аппарат. Но уже сегодня мы можем констатировать, что новая локальная история как исследовательская практика состоялась для отечественной исторической науки и свою лепту в это внесли ставропольские учёные-историки. Подтверждением тому служат проводимые межвузовским сайтом «Новая локальная история» научные интернет-конференции и труды историков. Работа НОЦ «Новая локальная история» в СКФУ дал ещё один, бесспорный, эффект – растёт интерес к исторической науке и в настоящее время внутри центра и вокруг него сложилась большая группа не только маститых учёных, но и их молодых талантливых последователей.

Литература

1. Булыгина Т. А. Опыт поиска источников по истории повседневности городских и сельских жителей Ставрополя // Новая локальная история. Ставрополь, 2009. Вып. 4. С. 44–55.
2. Булыгина Т. А., Маловичко С. И. Культура берегов и некоторые тенденции современной историографической культуры // Новая локальная история. Ставрополь, 2004. Вып. 2. С. 4–24.
3. Казаков Р. Б. Маловичко С. И. Румянцева М. Ф. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. (Москва, 27–29 янв. 2011 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 31–45.
4. Маловичко С. И., Булыгина Т. А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Ставрополь, 2003. С. 6–22.

5. Новая локальная история [Электронный ресурс]. Электрон, дан. М.; Ставрополь, сор 2003–2014. Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com>, свободный.
6. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историческая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
7. Сапрыкин Д.Л. Государство, общество и фундаментальное образование // История науки в философском контексте. Посвящается памяти Владимира Ивановича Кузнецова (1915-2005). СПб.: РХГА, 2007. С.222.
8. Смирнов М. Мифы нового времени и тысячелетнее государство // Литературная газета №7 (6404), 20-26 февраля 2013 г. 16 с.
9. Чубарьян А. О. история и историки в современном обществе. СПб.: СПбГУП, 2011. 32 с. (Избранные лекции Университета: Выпуск 127).

УДК 396.4-055.2.

Шафранова Ольга Ивановна

СТАВРОПОЛЬСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ (1875-1919)

Статья посвящена изучению истории женского образования на Ставрополье. В систему женского образования дореволюционной России входили средние учебные заведения – гимназии и епархиальные женские училища. В статье исследуется процесс создания и эволюции Ставропольского епархиального женского училища (1875–1919).

Ключевые слова: женское образование; воспитание; церковь; священнослужители; государство; педагогика; история; училище; школа; дети; учителя; учащиеся.

Shafranova Olga I.

STAVROPOL DIOCESAN FEMALE SCHOOL (1875–1919)

The article is devoted to the study of the history of women's education in the Stavropol region. In the system of education of women of pre-revolutionary Russia were secondary schools – gymnasiums and eparchial female school. The article explores the process of creation and evolution of the Stavropol eparchial female school (1875-1919).

Key word: women's education; education; Church; clergy; the state; education; history; school; school children; teachers; students.

Изучение эволюции системы народного образования актуально в свете современного его формирования. К изучению истории образования на Ставрополье обращались многие авторы, краеведы, исследователи социокультурной жизни дореволюционной губернии последних лет. В своих работах они немного касались отдельных эпизодов истории Ставропольского епархиального женского училища. Всестороннее исследование истории Ставропольского епархиального женского училища еще впереди. Целью данной статьи является изучение истории учебного заведения и его роли в социокультурной жизни дореволюционного города Ставрополя и губернии.

Несмотря на требования времени коренных изменений, Россия второй половины XIX в. оставалась государством с сословной стратификацией общества. Принадлежность к сословию определяла судьбу человека, народное образование Российской империи было соответствующим. Большой проблемой для общества и государства было отсутствие системного женского образования.

В середине XIX в. на Ставрополье было всего одно среднее женское учебное заведение, с шестилетним курсом, принадлежащее женскому благотворительному обществу св. Александры, открывшееся 12 октября 1849 г.

Еще в 40 годы XIX в. в крупных городах России стали создаваться средние учебные заведения для дочерей священнослужителей. 22 октября 1843 г. при содействии и под покровитель-